

ГОДУНОВ Константин Валерьевич / GODUNOV Konstantin

Европейский университет в Санкт-Петербурге / European University in St. Petersburg
Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg

kostyagodunov@yandex.ru

**«КАК ПАСХА...»: ПРАЗДНОВАНИЕ ПЕРВОЙ ГОДОВЩИНЫ
РЕВОЛЮЦИОННОГО ОКТЯБРЯ В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ И
ПЕРЕНОС САКРАЛЬНОСТИ***

**‘LIKE EASTER...’: THE CELEBRATION OF THE FIRST ANNIVERSARY
OF THE REVOLUTIONARY OCTOBER IN THE OLONETS PROVINCE AND
THE TRANSFER OF SACRALITY**

Abstract: The goal of the article is to analyze symbols and rhetoric in the interlocking fields of religion and politics at the time of Civil War. The author comes to conclusion that during the celebration of the first anniversary of the revolutionary October religious symbols are being used for legitimization of power, sacralization of politics.

Ключевые слова / Keywords: Гражданская война, советские праздники, политическая культура, эмоции, сакрализация / Civil war, soviet festivals, political cultural, emotions, sacralization

В одном городе мы наблюдали картину, которую приняли за религиозное торжество. Дети, одетые в белое, пели, а старшие смотрели на них с уважением и интересом. Позднее в винной лавке... мы спросили наших собутыльников, что за церковный праздник мы видели. «Праздник?» — ответили они. — Это была революция.

Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография.
М., 1980. С. 413.

«В мире, где христианские ценности утрачивают смысл, важнее всего потребность в сакральности»¹ — так Мона Озуф, автор классического исследования о праздниках Французской революции XVIII в., описала противоречивые особенности политической культуры революционной поры: в условиях глубокого кризиса монархии и церкви требовалось быстро найти новые принципы политической легитимации и политической сакрализации. Антирелигиозная политика, отрицание религиозных практик и институтов соединились с сакрализацией революционных символов, ритуалов и языка. Тема сакральности

* Статья подготовлена в рамках исследования, проводимого в Европейском Университете в Санкт-Петербурге при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00369 «Процессы легитимации насилия: культура конфликта в России и эскалация Гражданской войны».

¹ Озуф М. Революционный праздник, 1789–1799. М., 2003. С. 388–389.

находилась в центре политической жизни. Для описания этого сложного явления М. Озуф использовала понятие «перенос сакральности». В ситуации распада традиционных политико-культурных институтов, скрепляющих «политическое тело» французской нации — монархии и церкви — сакральное отношение к религии и королевской власти вытеснялось, замещалось и подменялось новыми ценностями; объектами сакрализации стали принципиально важные для революционного языка понятия: «право», «свобода», «Родина»².

Этот подход — исследование сложных связей политики и сакральности — актуален и для исследователей Российской революции³. Автор данной статьи опишет некоторые особенности переноса сакральности, опираясь на материалы истории празднования первой годовщины Октября в Олонецкой губернии⁴.

Этот локальный кейс выбран не случайно. По мнению С. Э. Яловинцыной, в начале XX века вера жителей Олонецкого края «была весьма специфичной, сочетающей в себе православную обрядность как дань государству, в котором они жили, языческие верования и старообрядческие традиции своих недавних предков и односельчан, новые веяния протестантского толка, доходившие до этих мест вместе с кочующими в Финляндию и обратно торговцами»⁵. Описываемое в данной статье пространство находилось на пересечении традиций, национальных и религиозных, и именно этим оно интересно.

Традиция сравнения революции с Пасхой сформировалась в ходе революционных праздников 1917 г. Февраль описывался и эмоционально переживался многими современниками как религиозный праздник, а празднование Пасхи, в свою очередь, политизировалось, и это было важным показателем специфического психологического состояния первых месяцев революции, соединения религиозного и революционного сознания⁶. Это отразило эйфорию весенних месяцев 1917 г., переживания людей в это время были связаны с сильными эмоциями: «удовольствием или счастьем... чувством существования в эру чудес,

² Там же. С. 397.

³ См. об этом: Бустанов А. К., Колоницкий Б. И. Введение // Политизация языка религии и сакрализация языка политики во время революции и Гражданской войны. СПб., 2018. С. 5–18.

⁴ Об организации этого праздника см.: Годунов К. В. Петрозаводск 7–8 ноября 1918 года: губернский центр в дни праздничных торжеств // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2015. № 8. С. 97–103; Дубровская Е. Ю. Российская революция 1917 года и Гражданская война в памяти населения Карелии. Петрозаводск, 2016. С. 53–66.

⁵ Яловинцына С. Э. Об особенностях миссии православного духовенства в приграничном приходе (на примере северо-западных приходов Архангельской епархии в XIX – начале XX века) // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2008. № 4 (97). С. 35. URL: <https://uchzap.petrso.ru/files/issue/UchZap97-12-2008.pdf> (27.12.2022).

⁶ Как отмечает исследователь политической культуры революции, «вера в Чудо политического, экономического и морального Воскресения страны и нации, обещанного революцией, стало важнейшим элементом массового политического (в действительности — политико-морально-религиозного) сознания»: Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры 1917 года. СПб., 2012. С. 85.

ощущением невероятного спасения, пришедшего в разгар неслыханных катастроф, потерь и разрушений»⁷.

Февральский этап революции проходил в Петрозаводске в форме праздника. В дни «праздников свободы» в Петрозаводске прошел военный парад, демонстрация и крестный ход. 5 марта в кафедральном соборе епископ Иоанникий зачитал манифест императора об отречении от престола и отслужил молебен о новом правительстве⁸. 9 марта состоялся «праздник свободы», который включал в себя военный парад и молебен — прошла «великая панихида по жертвам, павшим геройской смертью за свободу России в дни переворота, панихида при небывалой для Петрозаводска обстановке, при участии нескольких тысяч народа»⁹. Как и во многих других городах, в Петрозаводске праздники 1917 г. стали одновременно политическими и религиозными событиями.

Как перенос сакральности проявился в другой ситуации — в ноябре 1918 г., в дни празднования первой годовщины революционного Октября?

Корреспондент «Известий Олонецкого Губернского Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов» А. Рачков писал в дни подготовки празднования: «Дни 7–8 ноября должны стать днями всеобщего митингования. Крылатым праздником духа должны мы их сделать. Это дни смотра наших сил, и мы должны ревностно к ним подготовиться, употребляя церковный оборот, постом и молитвою. За дни 7–8 ноября мы все обязаны стать зрелыми. Кто чего не понимает, должен понять. В работе коллективной мысли должен найти свое успокоение. После 7–8 ноября не должно остаться никаких недоумений. Все должны быть приведены к одному знаменателю в эти дни великого братского обучения... Но эти дни, помимо учебного их содержания, должны быть днями и великой радости. Так в пасхальные дни верующий разумом уподобляется воскресшему Христу и с чувством радуется под веселый звон праздничных колоколов торжеству Воскресшего Великого Сына»¹⁰.

Автор статьи затронул несколько тем: отсылка к образу Христа¹¹ подкрепляла описания годовщины революции в качестве замены главного праздника религиозного календаря. Праздник должен был стать временем коллективного квазирелигиозного обращения, способствующего духовному преображению участников торжеств. Подобное отношение к празднику было связано с вопросом о

⁷ *Стейнберг М.* Великая русская революция, 1905–1921. М., 2018. С. 38.

⁸ Молебен // Олонецкое утро. 1917. 8 марта.

⁹ *Крылов В. И.* Первые дни революции в Петрозаводске. Петрозаводск, 1917. С. 16.

¹⁰ *Рачков А.* К Октябрьской годовщине // Известия Олонецкого Губернского Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 1918. 25 октября.

¹¹ Образ Иисуса Христа занимал важное место в антиклерикальной пропаганде периода Гражданской войны. Джей Бергман пришел к выводу: «учитывая культуру, которую революционеры разделяли со своими соотечественниками, обращение к образу Иисуса было для них вполне естественным»: *Bergman J.* The Image of Jesus in the Russian Revolutionary Movement: The Case of Russian Marxism // *International Review of Social History*. 1990. Vol. 35. P. 248.

желаемых мотивах¹²: участники революционного праздника должны были испытать эйфорию, сопоставимую с эйфорией участников религиозного торжества.

А. Рачков использовал особый язык для описания праздничного энтузиазма, статью он выстроил по канонам церковной проповеди. При этом уникальной, присущей только ему подобная риторика не была.

Составители доклада о праздновании первой годовщины Октября в Олонецком уезде описали «переживания, которыми преисполнены были молодые сердца детей в дни празднования революции. “Как Пасха”, говорили многие из них[,] и этими простыми детскими словами была определена вся важность нового гражданского праздника[,] с неотразимой силой подействовавшего на неиспорченное детское воображение и навевшая сладкие грезы о днях грядущей счастливой жизни»¹³. Как и А. Рачков, составители доклада писали об особой эмоциональной атмосфере революционного торжества, и сравнивали это торжество с главным христианским праздником. Для описания революционного энтузиазма организаторы торжеств использовали религиозные образы.

Корреспондент «Известий Олонецкого Губернского Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов» сравнил 6 ноября с «великой субботой» — днем перед Пасхой, и описал значение этого дня так: «Чувствовалось наступление праздника Красной Народной Пасхи, праздника воспоминаний великого дня освобождения и обновления»¹⁴.

Сопоставление годовщины революции с главным христианским праздником не было присуще только политическому языку петрозаводских большевиков. Празднование годовщины революции описывалось как «Красная Пасха», «пролетарская Пасха», «праздник праздников» разными людьми в различных городах, понятие в том или ином виде встречается в различных источниках: в выступлениях видных большевиков и в письмах вождям, в заметках корреспондентов газет, в оценках критиков правящей партии¹⁵. Характеризуя праздник в качестве сакрального времени, сторонники революции стремились создать образ события, необратимо изменившего ход мировой истории.

¹² По мнению Уильяма Редди, мотив — перформативное высказывание об эмоциях — «сам по себе является инструментом для непосредственного изменения, выстраивания, сокрытия и усиления эмоций». Таким образом, существует связь между высказыванием об эмоции и переживанием этой эмоции: Reddy W. Emotional Liberty: Politics and History in the Anthropology of Emotions // Cultural Anthropology. 1999. Vol. 14. P. 270.

¹³ Доклад о праздновании годовщины Октябрьской социалистической пролетарской революции в Олонецком уезде 7, 8 и 9 ноября (25 октября) 1918 года // Национальный архив Республики Карелия (далее — НАРК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 15/179. Л. 173 об.—174.

¹⁴ Путешественник. Праздник 7 ноября в деревне // Известия Олонецкого Губернского Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 1918. 16 ноября.

¹⁵ Годунов К. В. «Перенос сакральности» и празднования революционного Октября в годы Гражданской войны // Политизация языка религии и сакрализация языка политики во время революции и гражданской войны. СПб., 2018. С. 57–75.

Возникает вопрос: свидетельствует ли употребление сакральных метафор о том, что праздник наделялся сакральным смыслом, или корректнее говорить об инерции языка, литературных приемах, не отражающих особенности формирующейся политической культуры? Для ответа на этот вопрос важно рассмотреть не только религиозные метафоры, но и некоторые элементы складывающегося праздничного ритуала.

Комиссия по выработке программы празднования I годовщины Октябрьской революции распорядилась «украсить гирляндами снаружи здание городского совета, по телефонным столбам с обеих сторон проспект Карла Маркса от здания городского совета до Советской площади, для чего потребуется 20 возов хвой»¹⁶. Фотоизображение¹⁷ дает возможность увидеть, что этот план был воплощен в жизнь: центр города был украшен хвойными гирляндами. Популярность словых ветвей в качестве важного элемента праздничного убранства объяснялась и их дешевизной, и тем, что они и ранее были распространенным видом праздничных украшений: обычай украшать еловыми и пихтовыми ветвями праздничное пространство города «восходил к дореволюционной религиозной православной (а от нее — к языческой, дохристианской) традиции, и стал еще до революции органичным элементом городской праздничной культуры»¹⁸.

Религиозная традиция влияла на визуальный стиль праздника по вполне прагматическим поводам — документы из фонда Александро-Свирского монастыря говорят о том, что флаг и красную материю для праздника обязали изготовить в монастыре¹⁹: организаторы торжеств использовали материю, которая в другой ситуации служила бы религиозным целям. В данном случае перенос сакральности имел практическое измерение — заимствование объяснялось недостатком ресурсов.

Отдел советского управления при исполнительном комитете Олонецкого уездного Совета принял решение о том, чтобы в честь празднования первой годовщины революции «во всех православных церквях Олонца и уезда производился звон», при этом богослужение не должно было проходить в эти дни²⁰. В программе празднования Октября в Олонецком уезде, утвержденной Отделом народного образования при Олонецком губсовдепе, говорилось о том, что «в 9 час. утра во всех церквях уезда в течении 15 минут должен быть колокольный звон, который возвестит наступление великого праздника

¹⁶ Протокол заседания комиссии по выработке программы празднования I годовщины Октябрьской революции в г. Петрозаводске // НА РК. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 2/18. Л. 170–170 об.

¹⁷ НА РК. III-28.

¹⁸ Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Российский провинциальный город 1920-х годов: визуализация «советскости» // Визуальная антропология: городские карты памяти. М., 2009. С. 125.

¹⁹ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее — Архив СПб ИИ РАН). Ф. 3. Оп. 3. Д. 602. Л. 84, 92. Благодарю П. Г. Рогозного за указание на этот источник.

²⁰ [Предписание] Отделу Наружной Охраны 1 ноября 1918 г. // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 607. Л. 94.

пролетарской Пасхи»²¹. Отношение к празднику как к особому времени требовало и использования специфического звукового фона, воспоминанию о революции необходимо было придать сакральное значение.

Эти планы были воплощены в жизнь, по крайней мере, в некоторых населенных пунктах Карелии. Описывая празднование первой годовщины Октября в Великой губе, корреспондент «Известий Олонецкого Губисполкома» упомянул и молитву, и другую ритуальную практику, сакрализующую образ Октября. Корреспондент вспоминал о споре с соседом по каюте, которому приписывал слова о том, что «деревня не отзовется» на празднование первой годовщины революции: «Возьмите старое время. В городах в царские дни и звон, и флаги, и фонари, и то, и се! А в деревне? Ровно ничего не бывало, разве обедню поп отслужит, но никто и не подумает в этот день идти в церковь»²².

Споря с этой позицией, корреспондент так описал революционный праздник: «За версту слышен перезвон колоколов... Виднеются почти у каждого дома красные флаги, среди ветвей зелени. Двери церкви раскрыты, на паперти молится по-праздничному одетая публика. Праздник здесь очевидно начинается общей молитвой, м. б. манифестация начнется от храма, где Русский народ привык изливать свои радости и горе. Вспомнились мне слова соседа, что и раньше в царские дни служились молебны и обедни. Но отчего так много народа и отчего он по-праздничному одет?»²³

Вопреки указанию Отдела советского управления, колокольный звон соединился с богослужением. Сравнивая советский праздник и дореволюционные ритуалы не в пользу последних, соединение элементов религиозной церемонии (молитвы, колокольного звона) и революционной демонстрации корреспондент большевистского издания описывал без иронии и критики.

Подобное отношение к религиозным символам нашло отражение и в революционном творчестве — 23 ноября 1918 г. в «Известиях Олонецкого Губисполкома» было напечатано стихотворение, в котором встречается четверостишие:

По России резво вьются
Флаги красные, как кровь,
Громко песни раздаются,
Слышен звон колоколов²⁴.

²¹ Программа празднования Отдела народного образования при Олонецком губсовдепе // НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15/179. Л. 76.

²² *Путешественник*. Праздник 7 ноября в деревне // Известия Олонецкого Губернского Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 1918. 16 ноября.

²³ Там же.

²⁴ *Смелов В.* Праздник // Известия Олонецкого Губернского Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 1918. 23 ноября.

Для автора стихотворения и красные флаги, и колокольный звон были символами революционного праздника. Трудно судить о том, насколько было распространено подобное представление, но его попытались воплотить в жизнь организаторы торжеств и в таком географически отдаленном от Петрозаводска городе, как Витебск. Вопрос о совмещении колокольного звона — важного элемента традиционной праздничной культуры — с революционными лозунгами и плакатами обсуждался членами Витебской комиссии по празднованию годовщины Октябрьской революции²⁵. Это вызвало недовольство авторов заметки, опубликованной в «Известиях ВЦИК»: «Мы думаем, это совершенно неуместно, хотя бы и для вящего торжества, пользоваться для пролетарского праздника этим специальным поповским инструментом»²⁶. Публикация в центральной советской газете могла восприниматься как указание для организаторов торжеств в иных городах. При этом по свидетельству корреспондента, давшего обобщенную характеристику празднований Октября в провинции, празднование годовщины революции в Воронеже сопровождал «колокольный пасхальный неумолчный перезвон»²⁷. Представление о том, что празднование годовщины революции должно начинаться с колокольного звона (описываемого как пасхальный благовест), едва ли формировалось праздничными комиссиями столичных городов. Процессы сакрализации не шли «сверху вниз», распространяясь из столиц в провинции, не существовало единого центра сакрализации. Вернее было бы предположить, что отношение к празднику как к особому, сакральному времени было частью политического сознания организаторов праздника в различных городах.

Так или иначе, колокольный звон использовался для празднования годовщины революции не только в Олонецкой губернии. Но можно говорить о местном контексте, который придавал особое звучание использованию сакральной риторики и символики — убийства монахов и вскрытие мощей в Александро-Свирском монастыре осенью 1918 г.²⁸ По времени совпали одна из важнейших антиклерикальных акций периода Гражданской войны и попытки сакрализации главного революционного праздника.

Автор заметки, легитимирующей атаку на монастырь, заключал: «Новому человечеству нужна новая вера. Кто же заменит богов, королей и священников, как не свободная, верующая в свои силы, личность освободившегося человека! Новое человечество уже зародилось! Короли уходят! Уйдут и боги!»²⁹. Антиклерикальная

²⁵ Шамиур В. В. Празднества революции. Минск, 1989. С. 26.

²⁶ В провинции. Провинциальная хроника // Известия ВЦИК. 1918. 23 октября.

²⁷ Советская провинция в великую годовщину (Обзор I-й) // Известия Тверского Губернского Исполнительного Комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 12 ноября.

²⁸ См. об этом: *Рогозный П. Г.* Большевики и святые мощи // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 4. С. 991–992.

²⁹ *Онежский В.* Боги уходят // Известия Олонецкого губернского исполнительного комитета Советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 1918. 5 ноября.

риторика в предпраздничные и праздничные дни соединялась с религиозными метафорами и образами (весьма характерен призыв: «... нужна новая вера»).

Члены Президиума Совещания по устройству празднества годовщины революции предложили городскому Совету «мобилизовать буржуазию и духовенство для очистки улиц и тротуар[ов] по маршруту шествия манифестации в первую очередь и во вторую всех остальных, а также для очистки заборов от устаревших плакатов и объявлений»³⁰. Священнослужители (наряду с олицетворением врага революции — «буржуазией») стали объектом символического унижения в праздничные дни.

События в монастыре оказали воздействие и на выбор пьесы, поставленной в дни празднования: 7 и 9 ноября в Петрозаводске был организован показ спектакля по пьесе Л. Н. Андреева «Савва». Корреспондент, описавший празднование, отмечал: «Савва» имел громадный успех. Желательно повторение этой пьесы»³¹. Подобный выбор пьесы явно был не случаен: речь в ней шла о разоблачении священнослужителей, использующих «чудотворные» мощи для обмана прихожан. Праздничный досуг приобретал политическое звучание: развлекаясь, участники торжеств должны были приобщаться к актуальной политической повестке.

При этом в 1918 г. политика большевиков носила в большей степени антиклерикальный, чем антирелигиозный характер, курс на создание атеистического государства в этот момент не был еще до конца определен³². Ресурс праздника использовался для критики священнослужителей, при этом язык и поведение организаторов годовщин Октября несли печать религиозных практик и религиозного языка.

Со временем ситуация переменилась. Иллюстрирует изменение тональности прессы статья, посвященная празднованию пятой годовщины революции в Петрозаводске: «Угрюм, молчалив огромный собор с потемневшей главой, нет ни веточки зелени, не видно предпраздничной сутолоки, он в стороне от великого надвигающегося нового мира. <...> В соборе ударили в колокол, другие откликнулись. Вот жизнь двух разных миров: одного чисто земного, с страданиями и упорной борьбой за счастье трудящихся, и другого — пассивного, покорного воле неведомой и несуществующей силы небес»³³. Колокольный звон описывался автором статьи как один из символов старого мира, уничтоженного революцией.

³⁰ Президиум Совещания по устройству празднества годовщины Октябрьской революции. Протокол. 31 октября 1918 г. // НА РК. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 16. Л. 16.

³¹ Празднование годовщины революции в Петрозаводске // Олонецкая беднота. 1918. 20 ноября.

³² *Рогозный П. Г.* Православная церковь и русская революция: очерки истории 1917–1920. М., 2018. При этом и антиклерикальную пропаганду нельзя связывать исключительно с политикой большевиков: начало антиклерикализму, кризису церкви положила первая российская революция и усилила Первая мировая война, а критика священнослужителей была присуща и некоторым верующим: *Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г.* Война, породившая революцию. Россия, 1914–1917. М., 2015. С. 221–279; *Аксенов В. Б.* Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М., 2020. С. 619–658.

³³ *Прилежаев В. В.* Дни Октябрьских торжеств (Мысли, наброски и впечатления) // Карельская коммуна. 1922. 9 ноября.

Как мы видим, годовщина революции была особым моментом: изучая ее, мы можем увидеть не только элементы ритуала, которые стали впоследствии доминировать в советской политической культуре, но и те элементы, которые проявились лишь в определенной ситуации и затем были отброшены или прямо запрещены.

Восприятие годовщины революции в качестве сакральной даты оказало некоторое воздействие и на ритуал, и на визуальное оформление торжеств. Пытаясь обратиться к рабочим и крестьянам с политическими посланиями, которые они смогут воспринять, организаторы торжеств апеллировали к христианским текстам и образам. Чем объяснить использование религиозных образов и элементов ритуала? С одной стороны, организаторы торжеств стремились учитывать настроения людей, безразличных к политическому смыслу праздника, использовать привычные для них элементы ритуала³⁴. Возможно, в этом проявились особенности политической культуры, которые помогли большевикам и их союзникам одержать победу в Гражданской войне: жесткая репрессивная политика сочеталась с тактической гибкостью, способностью использовать привычные языковые клише, элементы ритуала даже в тех случаях, когда это, казалось бы, противоречило важной пропагандистской линии. Лора Энгельштейн полагает, что большевики победили в Гражданской войне «не только оружием и воинской дисциплиной, но и натиском слов и образов, визуальных и вербальных»³⁵. Многие из этих слов и образов имели сакральное значение.

Но едва ли лишь стремлением использовать знакомые и понятные «массам» язык и ритуалы можно объяснить действия революционных активистов. Сами носители культуры революционного подполья, в том числе и те, кто декларировал свой отход от религии, находились в поле влияния развитой религиозной традиции³⁶. Не случайно современные исследователи сравнивают российскую революцию со средневековыми битвами за веру, крестовыми походами³⁷, а большевиков — с миллениаристской сектой, по-своему переживавшей конец времен³⁸.

Вне зависимости от намерений разных групп организаторов праздника, в ноябре 1918 г. антиклерикальная пропаганда соединилась с сакрализацией революции. В дни празднования годовщины революции это проявилось на эмоциональном уровне. Революционные торжества должны были оказать

³⁴ Как показал Е. В. Дианова, и в 1920-е гг. в Карелии «сохранялась традиционная обрядность, связанная с календарными православными и языческими религиозными праздниками»: Дианова Е. В. Религиозные праздники в Карелии в 1920-е гг. // Православие в Карелии: Материалы III региональной научной конференции, посвященной 780-летию крещения карелов. Петрозаводск, 2008. С. 132–133.

³⁵ Engelstein L. *Russia in Flames: War, Revolution, Civil War, 1914–1921*. Oxford; New York, 2018. P. XXI.

³⁶ *Стейнберг М. А.* Пролетарское воображение: личность, модерность, сакральное в России, 1910–1925. Бостон; СПб., 2022. 542 с.

³⁷ Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть... С. 85–86.

³⁸ Слезкин Ю. А. Дом правительства: Сага о русской революции. М., 2019.

всеобъемлющее эмоциональное воздействие на участников празднеств в момент глобального кризиса. Как замечают антропологи А. К. Байбурин и А. М. Пиир, советский праздник, «как и архаический ритуал, организуется таким образом, чтобы все органы чувств, все каналы связи человека с внешним миром были задействованы в максимальной степени»³⁹.

Праздники превращались в действо, влияющее на все органы чувств⁴⁰, его трудно было игнорировать. Праздничные звуки, цвета, особая организация пространства, особая эмоциональная риторика должны были оказать сильное эмоциональное воздействие на участников торжеств в момент тяжелейшего кризиса. Стремясь пробудить революционный энтузиазм, организаторы торжеств использовали праздник в качестве средства мобилизации чувств.

Как показывает карельский материал, перенос сакральности предполагал и перенос эмоций: традиционно предписываемые пасхальным дням эмотивы переносились на новый политический праздник.

Необходимо вспомнить статью А. Рачкова, процитированную в начале статьи. Он писал: «Как в великие дни христианской Пасхи подлинно верующие забывают и о своих недугах, и о своем горе и в приобщении к воскресшему Христу под малиновый звон праздничных колоколов ликуют целую неделю, точно такое же настроение должны мы вызвать в себе в дни октябрьского юбилея»⁴¹.

Как мы увидели, упоминание колокольного звона, сравнение годовщины революции с Пасхой были не просто метафорами, используемыми конкретным корреспондентом: участники торжеств должны были ощутить перемены, принесенные революцией, на эмоциональном уровне, и это подкреплялось и особой риторикой, и элементами ритуала. Празднование годовщины Октября было техникой воспитания чувств, и эти чувства должны были иметь отчетливый сакральный оттенок.

Список литературы

Аксенов, В. Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918) / В. Б. Аксенов. — Москва : Новое литературное обозрение, 2020. — 984 с.

Байбурин, А. К. Счастье по праздникам / А. К. Байбурин, А. М. Пиир // Антропологический форум. — 2008. — № 8. — С. 227–257.

³⁹ Байбурин А. К., Пиир А. М. Счастье по праздникам // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 252.

⁴⁰ О том, как революция влияла на эмоции через органы чувств, см.: Plamper J. Sounds of February, Smells of October: The Russian Revolution as Sensory Experience // The American Historical Review. 2021. Vol. 126. P. 140–165.

⁴¹ Рачков А. К Октябрьской годовщине // Известия Олонецкого Губернского Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 1918. 25 октября.

Буддаков, В. П. Война, породившая революцию. Россия, 1914–1917 / В. П. Буддаков, Т. Г. Леонтьева. — Москва : Новый хронограф, 2015. — 714 с.

Бустанов, А. К. Введение / Бустанов А. К., Колоницкий Б. И. // Политизация языка религии и сакрализация языка политики во время революции и Гражданской войны. — Санкт-Петербург : Лики России, 2018. — С. 5–18.

Годунов, К. В. «Перенос сакральности» и празднования революционного Октября в годы Гражданской войны / К. В. Годунов // Политизация языка религии и сакрализация языка политики во время революции и Гражданской войны. — Санкт-Петербург : Лики России, 2018. — С. 57–75.

Годунов, К. В. Петрозаводск 7–8 ноября 1918 года: губернский центр в дни праздничных торжеств / К. В. Годунов // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. — 2015. — № 8. — С. 97–103.

Дианова, Е. В. Религиозные праздники в Карелии в 1920-е гг. / Е. В. Дианова // Православие в Карелии: материалы III региональной научной конференции, посвященной 780-летию крещения карелов. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2008. — С. 127–136.

Дубровская, Е. Ю. Российская революция 1917 года и Гражданская война в памяти населения Карелии / Е. Ю. Дубровская. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2016. — 110 с.

Коллингвуд, Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд. — Москва : Наука, 1980. — 485 с.

Колоницкий, Б. И. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры 1917 года / Б. И. Колоницкий. — Санкт-Петербург : Лики России, 2012. — 318 с.

Малышева, С. Ю., Сальникова А. А. Российский провинциальный город 1920-х годов: визуализация «советскости» / С. Ю. Малышева, А. А. Сальникова // Визуальная антропология: городские карты памяти. — Москва : Вариант, ЦСПГИ, 2009. — С. 121–142.

Озуф, М. Революционный праздник, 1789–1799 / Мона Озуф. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — 416 с.

Рогозный, П. Г. Большевики и святые мощи / П. Г. Рогозный // Новейшая история России. — 2020. — Т. 10. — № 4. — С. 989–1004.

Рогозный, П. Г. Православная церковь и русская революция: очерки истории 1917–1920 / П. Г. Рогозный. — Москва : Весь Мир, 2018. — 303 с.

Слезкин, Ю. А. Дом правительства: Сага о русской революции / Ю. А. Слезкин. — Москва : Corpus, 2019. — 969 с.

Стейнберг, М. Великая русская революция, 1905–1921 / М. Стейнберг. — Москва : Изд-во Института Гайдара, 2018. — 554 с.

Стейнберг, М. Д. Пролетарское воображение: личность, модерность, сакральное в России, 1910–1925 / М. Стейнберг. — Бостон : Academic Studies Press; Санкт-Петербург : Библиороссика, 2022. — 542 с.

Шамшур, В. В. Празднества революции: организация и оформление советских массовых торжеств в Белоруссии / В. В. Шамшур. — Минск : Наука и техника, 1989. — 156 с.

Яловицына, С. Э. Об особенностях миссии православного духовенства в приграничном приходе (на примере северо-западных приходов Архангельской епархии в XIX – начале XX века) / С. Э. Яловицына // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. — 2008. — № 4 (97). — С. 31–35. — URL: <https://uchzap.petsu.ru/files/issue/UchZap97-12-2008.pdf>. — (27.12.2022).

Bergman, J. The Image of Jesus in the Russian Revolutionary Movement : the Case of Russian Marxism / J. Bergman // International Review of Social History. — 1990. — Vol. 35. — P. 222–248.

Engelstein, L. Russia in Flames : War, Revolution, Civil War, 1914–1921 / L. Engelstein. — Oxford ; New York : Oxford univ. press, 2018. — 823 p.

Plamper, J. Sounds of February, Smells of October : the Russian Revolution as Sensory Experience / J. Plamper // The American Historical Review. — 2021. — Vol. 126. — P. 140–165.

Reddy, W. Emotional Liberty : Politics and History in the Anthropology of Emotions / W. Reddy // Cultural Anthropology. — 1999. — Vol. 14. — P. 256–288.